

СУББОТНИК НГ

МАЙ - 2000

Независимая газета

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 20 (20), 27 мая 2000 г.

Выходит с января 2000 г.

- К ГОДОВЩИНЕ ЦУСИМСКОГО СРАЖЕНИЯ
- КАК ПРОЖИТЬ ДЕНЬ БЕЗ ТАБАКА
- ТВ КТО СМОТРИТ КАНАЛ «КУЛЬТУРА»
- ТВ ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА НЕДЕЛЮ
- ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ «НГ»
- КУЛЬТУРНАЯ АФИША НЕДЕЛИ

стр. 10

стр. 11

стр. 13

стр. 13

стр. 15

стр. 16

Вера Камша

НИКОЛАЙ, вы неоднократно давали понять, что от американской жизни особого удовольствия не получаете. Кроме того, ваши книги идут нарасхват, сразу становятся бестселлерами, неоднократно переиздаются. Как же так вышло, что вы уехали?

— Я не могу писать книги с такой скоростью, чтобы жить в России на эти деньги. Чтобы писать, мне должно быть интересно в первую очередь самому. Мне и было интересно — все эти годы. Очень не хотелось бы этот интерес утратить, превратиться в халтурщика, выпекающего бесконечные приложения один раз удавшихся тегов.

Я четыре года был профессиональным литератором и зарабатывал деньги исключительно писательством, причем, по меткому выражению одной железной леди, «не поступаясь принципами». Это было очень хорошее время, но 17 августа 1998 года оно кончилось, так что теперь я вновь, как в юности, стою за лабораторным столом. В этом, конечно, мало радости, но зато я не пишу конъюнктуру, могу работать над книгой до стадии, когда она меня удовлетворяет. К тому же я понял, что нельзя замыкаться на «профессиональном писании», ибо чем больше занятий, чем богаче жизненный опыт, тем лучше книги получаются. Так что «перепрофилирование» мне не грозит. Я писал и буду писать классическую фантастику. Но буду пробовать что-то и помимо этого, иначе захирею и зачахну.

— А в Россию вы вернетесь?

— Я не эмигрант. Я не собираюсь добиваться вида на жительство ни в Америке, ни в Канаде, ни где-нибудь еще, а просто работаю по временным контрактам. Это женщинам Америка очень нравится. Уж не знаю, что они в ней находят, но, раз побывав здесь, уезжать согласны только под конвоем и в наручниках. Мне же очень не хочется оставаться там навсегда. Во всяком случае, никаких шагов к этому я не предпринимаю. Конечно, вернуться в прежний, писательский, статус я вряд ли смогу, скорее уж найду какую-нибудь работу в России, связанную с биотехнологией.

— Вы провели в Америке достаточно времени, чтобы сделать какой-то вывод о тамошних жителях...

— Мне трудно судить о «коренных», «простых», «средних» американцах. А наука в США американская только по названию. Работает самый настоящий интернационал: китайцы, индусы, японцы, русские, поляки, немцы, хорваты... Самых американцев — меньшинство. Но, само собой, занимающее руководящие посты. Можно сказать, что это и в самом деле «страна контрастов» — советские пропагандисты не ввали, нищих тут полно, редко на каком перекрестке не стоит оборванец с трогательной надписью по картонке: «Бездомный. Голодный. Помогите чем можете». Так и хочется каждый раз добавить: «Сами мы не местные...»

Здесь, конечно, работают очень много. И получается какой-то замкнутый круг — для громадного большинства народа воспользоваться плодами «развитого капитализма» просто нереально. Отпуск мизерный. Полторы недели в году. За свой счет не возмещают. Рабочий день не нормирован. В результате — здесь живут, чтобы

НИК ПЕРУМОВ, НЕ АМЕРИКАНЕЦ

«Для всякого пишущего человека есть только один критерий успеха: читают его или нет»

Вокруг «Его Высокопреосвященства от фантастики» сосредоточились все мои «недрузья», а друзей, которые мне верят, подводить я не хочу и, наверное, уже не могу.

— Хорошо, если дело не в личной неприязни, поговорим о борьбе на-

шими кумирами, но они пытаются защищать окончательно дискредитировавшие или изжившие себя идеи. Не понимая того, что происходит, они не могут — люди они умные, их творчество говорит само за себя. Обидно, что авторы

ничтожить», не задумываясь, что потом, не особо разбираясь в средствах. У Гумилева же формально не было ни одного антисоветского стиха, его творчество более тонко, а значит — и более опасно. Поэзия Гумилева мешает

нятно, что у людей с определенной идеологической установкой да еще желающих всем «указывать» Гумилев вызывает отторжение и скрытую ревность. Они старательно убили в себе «музу дальних странствий», стремление к звездам и познанию заменили борьбой кого-то с кем-то, или с чем-то, или за что-то. С коммунистами, с демократами, с имперцами, с чеченцами, с фашистами, с жидомасонами, с антисемитами. Гумилевскую свободу они просто не могут воспринимать.

— «Указывать» — это как?

— В данном случае — объяснять, какие именно книги являются достойным чтением для интеллигентного человека. Причем частенько эти граждане втихую почитывают Чейза или порнороманы, прикрывая их сверху Фолкнером. Они обожают критиковать «развлекательный жанр», навязывать всем свои эстетические штампы. Вы не представляете, сколько народу у нас кормится за счет выискивания в словесных потоках у тех, кто именует себя постмодернистами (а на самом деле просто не в ладах с грамматикой русского языка), какого-то второго, третьего, двадцатого смысла.

— А как вы оцениваете ситуацию в лагере ваших идейных противников по фантастической части?

— Их направление очень долго питалось великим противостоянием интеллигенции и советской системы. Исчезло противостояние — и оказалось, что умение в очередной раз путем намеков и экивоков показывать, как ужасен тоталитаризм вообще и «реальный социализм» в частности, никому не нужно. Можно, конечно, всю жизнь ловить отсутствующую кошку в темной комнате, особенно если за это тебе платят западные фонды защиты свободного слова, демократии, частной собственности и обезьяны, — любимое занятие наших «правозащитников» во главе с господином Сергеем Адамовичем Ковалевым. Занятно только, что поборники демократии и борцы за права человека прекрасно уживаются во властных структурах со своими гонителями.

Сейчас, впрочем, «социальная фантастика» пытается вновь обрести почву под ногами, но я бы не сказал, что ей это удастся. Люди устали и от самоуничтожения, и от безысходности, им хочется поверить в себя, вдохнуть какой-то свежий ветер, понять, что, пойдя на определенные, иногда очень большие жертвы, можно вырваться из тусной клетки, в которой мы все оказались. Вот почему сейчас жанр фантастики востребован в большей мере.

— То есть все зависит от настроения читателей?

— Для писателя всегда самое важное то, как покупаются его книги. Написание книги — это созидание мира, в котором живут, страдают, гибнут живые души. Рукописи должны быть нужны людям, должны издаться, должны продаваться, вот тогда они не горят, а писательская работа имеет смысл. Если же ты работаешь для кучки приятелей или подобных тебе литераторов (по принципу Кукушки и Петуха), ты просто «человек, балующийся пером», и не имеешь права называть себя писателем. Для всякого пишущего человека есть только один критерий успеха: читают его или нет.

— Но какое волшебное слово к читателю вы знаете? Поделитесь своим секретом.

— Если ты хочешь, чтобы тебя поняли, не говори с русскими людьми на китайском или по-армей-

должен стать армией прорыва. Подобно 3-й танковой армии Лелюшенко под Орлом в августе 43-го, да простится мне такое сравнение.

— И как продвигается работа?

— Само собой, медленно. Написать больше полутора-двух страниц в день просто невозможно физически, становясь совершенно больным, потому что пытаться влезть в шкуру ополченца зимы 1941 года — не самое психологически комфортное занятие. Да еще и «за немцев» писать приходится. К счастью, самую редкую книгу на английском языке не проблема. Сейчас вот читаю дневники фон Бока, командующего группой армий «Центр» под Москвой, — очень поучительное занятие. А материала о нашей стороне здесь, в Америке, явно не хватает, но он меня уже жлет в Питере.

Как-то уж так сложилось, что право писать о Великой Отечественной молчаливо признано только за теми, кто ее прошел. Мне кажется, это не совсем справедливо.

— Вы упомянули о том, что в российской истории случалось невозможное. Но, может быть, о чудесах подобного рода уместнее говорить с представителями Церкви?

— У меня с Церковью отношения весьма сложные. К примеру, я считаю принятие христианства великим бедствием для России.

— ?!

— Под корень была уничтожена оригинальная и самообытная славянская культура. На мой взгляд, ситуация весьма сходная с тем, что затем произошло в Америке. Культура индейцев насчитывала несколько тысячелетий — уничтожена в течение пятидесяти лет. Полностью, под корень. Вплоть до имен. Индейцы теперь все сплошь Джоны Смиты, а отнюдь не Монтигмо Ястребиный Коготь. Уничтожен язык, точнее, языки индейцев.

У нас же не уцелело ни одного языческого праздника. То есть какие-то внешние проявления сохранились, вынужденно замаскированные под христианские, но сакральный смысл их был утрачен. Забыт смысл обрядов, смысл резьбы на коньке крыши и узора на женском платке. Все это обесмыслилось (в массе своей), и спроси теперь какого-нибудь умельца по части «народных промыслов», почему так кресты идут, а не иначе, — не ответят...

Другое дело, что русский народ переварил заморскую отраву и сумел создать из веры рабов то знамя Славы — Ярое Око, которое вывело нацию на Куликово поле. Здесь я почти смиряюсь с РПЦ и даже отлаю дань уважения, но сколько же было потрачено зря сил и пролито крови! Хотя, безусловно, православие из всех проявлений христианства наиболее человечно и терпимо. Потому что не только религия калечила душу народа, но и народ облагораживал религию.

— Да, видно не зря кое-кто называет вас еретиком и язычником!

— Я действительно не принадлежу к христианской конфессии. Наверное, я атеист, но какого-то нового образа. «Высшие силы» меня интересуют как предмет для литературного исследования, но моя собственная душа к ним не лежит. Всюду, где боги начинают судить смертных или тем более мстить им, они теряют свою божественность. Поэтому я с большим подозрением отношусь, например, к ветхозаветным сказаниям об уничтожении Богом Яхве путем напалмовой атаки городов или об утоплении всего живого на Земле, включая ни в чем не повинных

меня с сатанизмом или его идеями нет, никогда не было и не будет. Я сталкивался с этим явлением, и практическое его воплощение вызвало у меня глубочайшее отвращение. Высокие слова о свободе оборачивались примитивным, зоологическим «падающего толкни», «стариков под нож» (будто сами стариками не будем), проповедь социального дарвинизма и «права сильного». Богоборческая традиция, идущая от того, что каждый человек потенциально равен Богу — Мильтон, Шелли, Спиноза, Блейк, Байрон, Лермонтов, Китс, — оборачивается примитивнейшим разнузданным зверством.

— Ветхий Завет вы не одобряете, с православием только миритесь, эллинических богов считаете завистниками и садистами... Но хоть чини-нибудь боги вам симпатичны?

— Я люблю скандинавские мифы за их особенный трагико-героический надрыв, не признающий хеппи-эндов. Все погибнут в последней битве и знают об этом, но перед этим все равно постараются победить!

— Николай, а вас не тянет иногда вызвать кого-то на дуэль или вместе с вашими почитателями побегать по лесам с мечом в руке?

— Это вы о ролевых играх? Хотите верить, хотите нет, но я ни на одной ролевой игре ни разу не был. В том числе и потому, что к оружию отношусь очень серьезно. Это у меня в крови, наверное. После настоящей кованной сабли как-то неуместно браться за деревяшки... А что до дуэли, то, когда дело доходит до реальной драки, далеко не всегда побеждают рыцарская доблесть и правое дело.

— А так называемый Божий суд?

— Если ты пускаешь в ход то, что умеешь, у тебя есть преимущества над человеком, который этого не умеет. Поэтому «Божий суд» путем поединка — это вообще фикция. При условии, разумеется, отсутствия богов. Но в нашем пласте реальности их нет. Еще король Артур говорил Ланселоту, когда тот очередной раз собирался копьем и мечом отстанывать невинность Гиневры: ты слишком полагаешься на свое оружие и слишком часто ты объявляешь истинной то, за что выступаешь.

— Интересные вариации на тему «а судьи кто»...

— Лично я отказываю в праве судить практически всем и очень не люблю тех, кто берется это делать. Кто может измерять дела и мысли отдельных людей и целых народов, кто вправе держать эти весы? Прежде чем судить какой-нибудь поступок или явление, нужно либо совершить его и почувствовать все последствия, либо не совершить, удержаться в аналогичной, а то и более острой ситуации. Разумеется, я говорю не об уголовном законодательстве, а о некоем «высшем» суде.

— В теории воин-фантазии вы свой осязательный вклад внесли. Чего стоит один только боевой гномий строй...

— Ну, он-то как раз возник совершенно логически. Даже тем, кто про гномов только по «Белоснежке» судит, ведомо, что народ они низкорослый, хоть и жилистый, и не могут обходиться без поддержки друг друга. Естественно, что и воевать они должны сплоченным строем, а против конницы, да и просто против более длиннорукых людей, им нужно надежное оружие, сводящее на нет этот недостаток. Чувствуете, как перед глазами сам собой встает ошестившийся копытами, закованный в броню хир! Кстати, Андрей Сапковский во «Владычстве озер» фактически это мое

пруд пруди, только ни один из них не дошел до типографии. Но с этим, пожалуй ста, не ко мне...

— Вы как-то обмолвились, что, прежде чем взяться за «свободное продолжение» «Властелина колец», вы его переводили. А где этот перевод сейчас?

— Остался в Питере в виле груды разрозненных рукописных страниц. Чтобы все это довести до ума, нужна громадная работа, а ее у меня и без того поля непаханные, да и «переболел» я этой темой. Так что если когда-то это и случится, то не скоро. Да и смысла особого нет. На рынке соперничают аж четыре перевода. У меня вообще накопилось столько начатых вещей, что самому страшно. Сам я их делю на две части. Те, которые могут быть или наверняка будут доведены до логического конца, и те, которые я не сделаю уже никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Но вы тем и знамениты, что конец у вас вовсе даже и не конец, герои остаются живы, но никто царем не становится, никто свадьбу не играет... Словом, широкое поле для читательского додумывания...

— Вообще-то написать о том, как жила Василиса Премудрая с Иваном-дураком, идея богатая... Свадьбы и воцарением тоже жизнь героев не заканчивается. А в фэнтези даже смерть — не повод для того, чтоб ставить точку. Все расписывать имеет смысл только в букварях. Если угодно, можете рассматривать недосказанность моих книг как стимуляцию читательской фантазии, творческого начала.

— Николай, а почему вы пишете именно сказки? Пусть для взрослых, но все-таки...

— Антураж волшебный наши пращуров изобрели для передачи каких-то моральных максим, других важных для них вещей. Это, наверное, наиболее естественный способ.

Но я не морализатор и не проповедник. Я исследую механизм возникновения этих максим, я исследую последствия этих максим, я исследую то, к чему может привести отказ от этих максим. И, разумеется, пытаюсь облечь это в форму, которая интересна. А внимания-то заслуживает только одно (что и привлекает читателей) — человеческий характер в экстремальных условиях. Фэнтези, волшебная фантастика представляет собой идеальную возможность для исследования столкновения человека с отражением темной стороны его собственного подполья. Я могу поставить вопрос о том, где все же та граница цели и средств, которую нельзя переступать, что, на мой взгляд, и является основным вопросом литературы.

— Но разве реалистическая литература не дает вам такой возможности?

— Нет, она лишь может констатировать: да, человек дошел до некоей грани и упал. Волшебная же фантастика посредством взаимодействия человека с нечеловеческими силами показывает, как меняется его личность. Как проявилось, эти силы алчны, завистливы и, как всякая сверхсила, ограничены и узконаправлены. Боги, они ведь завидуют человеку. Эта тема прослеживается практически во всех легендах и сказаниях. Сверхсила ревниво оберегает свои права, жестоко карая тех, кто только помыслил взглянуть на нее без должного почтения. Фэнтези же как раз и пишет о том, как человек преодолевает комплекс неполноценности перед Богом, перед Непонятым, перед, казалось бы, Всемогущим.

В мае выходит очередной роман писателя «Странствие мага».